

A scenic view of a European city street in autumn. The street is lined with buildings featuring red-tiled roofs and classical architecture. In the background, a large church with a prominent green dome and a smaller spire is visible. The street is filled with people walking, and the trees are in full autumn foliage, with vibrant orange and red leaves. The overall atmosphere is warm and picturesque.

ПОЛИНА ЛЮРО
ПОГОНЯ

Полина Люро Погоня

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70413121
SelfPub; 2024*

Аннотация

В город пожаловал сам Император. Капитан Городской Стражи получил приказ любой ценой поймать заговорщиков, и погоня началась...Примечание: Рассказ лёг в основу романа «Капитан».

Полина Люро

Погоня

Я чувствовал, как ледяная струйка пота стекает с шеи под тяжёлый доспех, струясь по спине и щекоча вспотевшую от бега кожу. Безумно хотелось содрать с себя этот черепаший панцирь и почесаться, но времени не было даже на то, чтобы сделать глоток тёплой, отдающей речной тиной воды из старой походной фляги. Ступни в сапогах уже взмокли, прилипнув к подошве, в боку кололо, и хриплое дыхание так и норовило снова перейти в лающий кашель...

Только этого не хватало. И сам понимал, что сдаю — перед временем мы все равны: и солдат, и командир, но как же не хотелось уступать этим двум мальчишкам, недавно поступившим на службу в Городскую Стражу и смотревшим на меня глазами глупых щенков, обожающих хозяина... Бесстыжий Чанси-болтун вечно нёс чушь о моих якобы героических подвигах; вот вернусь с задания — окуну стервеца в бочку с дерьмом, чтоб поменьше трепал языком.

Мимо промелькнули испуганные лица торговцев, нога загнулась о тележку с фруктами и остервенело пнула сначала её, а потом и ошалевшего хозяина старой рухляди. Спелые плоды аппетитно чавкали и хрустели лопающейся кожей под сапогами, наполняя воздух аппетитными ароматами

осени, когда сзади послышались глухие стуки, сопровождаемые выразительными воплями и руганью новичков. Я довольно ухмыльнулся — поскользнулись-таки, паршивцы, а нечего было глазеть по сторонам во время погони.

Пытаться догнать заговорщика на переполненных народом улицах города, да ещё во время Большой Осенней Ярмарки — гиблое дело... Но выбирать не приходилось, раз уж самому Императору приспичило притащиться именно в наши края, чтобы народ Великих Равнин смог лицезреть Наследника престола.

— И чего ему дома-то, в столице не сиделось вместе со своим ненормальным сыночком? Там и дворцовые стены выше наших, и армия под боком, правда, и врагов больше — слышал, все тюрьмы переполнены бунтовщиками. Стольких проблем можно было избежать, если бы не упрямство престарелого Владыки... Простите меня, боги, за дерзкие мысли, надеюсь, императорские шпионы пока не научились их читать, а то моей седеющей голове придётся попрощаться со всё ещё крепким телом Капитана Городской Стражи. А это не то, о чём я мечтаю...

Ноги мчали меня вперёд, одна рука придерживала бьющийся о бедро меч, вторая неутомимо расталкивала ротозеев, не успевших вовремя отскочить в сторону и потому познакомившихся с тяжёлым кулаком. Очередной фрукт пролетел совсем рядом со взмокшим от пота лицом, но я легко уклонился, а вот один из пытавшихся угнаться за мной,

пыхтящих, словно закипающий чайник, помощников, похоже, нет. Он охнул, но было некогда интересоваться, что на этот раз подбил ему пронырливый беглец — пусть дурачок радуется, что это была всего лишь сочная мякоть плода, а не лезвие ножа...

Парнишка, в попытке остановить которого мы миновали уже два квартала, оказался резвее племенного скакуна Команданта крепости, оравшего на меня этим утром:

— Мерзавец, зажавшийся идиот, вот ты кто, а не Капитан Стражи. Если не поймаешь заговорщиков до обеда, болтаться тебе на виселице вместе с безрукими недоумками, вчера упустившими негодяев. Молчать, кому сказал! Мне нет дела, что ты только сегодня вернулся с задания, Капитан в ответе за город, тем более, когда в нём *такие гости*... Своими руками всех вас придушу, — ну и так далее...

Он надрывал лужёную глотку, брызгая слюной и выпучивая глаза, как выброшенная на берег рыба, и оставалось только вытирать лицо рукавом кафтана, думая, что, кажется, не видать уставшему Капитану не только завтрака, но и обеда, приготовленного заботливой Айшой. Эта девчонка из какого-то дикого племени прибилась ко мне полгода назад, когда во время рейда я отбил её у контрабандиста. И что эта узкоглазая, смешливая красавица с косами до пояса во мне нашла? Ума не приложу — взятку я не беру, потому достатка в старом, доставшемся от родителей доме нет и не предвидится. Сколько ни гнал её, не хочет уходить, глупышка.

— Люблю, — говорит, — больше жизни. Ты, мол, самый хороший, мой красавчик...

Хм, надо же такое придумать, да на мне уже не осталось свободного места для шрамов, и какая в моём возрасте любовь? Однако, должен признать, из-за этой вертихвостки жизнь одинокого солдата круто изменилась, и сколько б не твердил себе, что мы не пара, теперь даже и дня без неё представить не мог...

От таких мыслей желудок скрутило, и, проследив, как фигура в чёрном неожиданно с разбегу нырнула в медленно двигавшуюся навстречу крытую повозку, не раздумывая, последовал за ней. В полутьме сверкнули белки глаз перепуганного, сжавшегося в комок толстяка, так не вовремя решившего перекусить подальше от любопытных взглядов. Но меня интересовала только тень, мелькнувшая в разрезанной холстине, и, оттолкнув с дороги неудачника, я выпрыгнул наружу. Уж не знаю как, но руки сами по пути прихватили несколько пирожков, засунув их за пазуху. Почувствовав это горячее прикосновение и пряный дразнящий аромат, я невольно сглотнул...

Бег с препятствиями продолжился, мелькнула и исчезла мысль — зачем беглецу понадобилось усложнять себе жизнь, запрыгивая в повозку? Ведь не думал же он в самом деле там от меня спрятаться? На идиота, вроде, не похож, раз так ловко и явно продуманно бежит. Знать бы ещё, куда?

Но тут стало не до размышлений: тёмная фигура остано-

вилась и быстрее вертлявой кошки вскарабкалась на высокий каменный забор. Мгновение, и парень исчез из виду, но меня это не испугало — с разбега подпрыгнул и, подтянувшись на руках, перемахнул это препятствие, слыша, как за спиной восхищённо охнули мои молодые помощники. Да, вот такой у вас прыткий Командир, и только посмейте от меня отстать — сегодня же вылетите из отряда...

Приземление получилось жёстким — колючий кустарник оставил себе на память несколько лоскутов почти новой одежды и, что гораздо хуже, моей кожи. Но тогда было не до мелочей — заговорщик, или кто там он был на самом деле, уже бежал к дому с тёмными окнами, а играть с ним в прятки не хотелось: кто знает, откуда могли прилететь отравленный кинжал или парочка метательных ножей. Я поднажал и почти догнал его у резной веранды, доказав прежде всего себе, что молодость, конечно, хорошо, но и опыт — тоже неплохо...

А вот дальше всё закрутилось настолько быстро, что в конце этой свистопляски кончились не только силы, но и дыхание. И всё же я победил, хотя и крепко засомневался насчёт собственного утверждения о превосходстве опыта над молодостью... Но прежде чем прийти к такому неутешительному выводу, пришлось хорошенько попотеть.

Эта бешеная сволочь бросилась на меня сверху, и, каюсь, я пропустил первый удар. Мы сцепились и, вволю покатавшись по земле, наконец, вскочили на ноги. Зазвенели мечи,

и, должен сказать, дрался он неплохо, однажды даже сумев как девицу повалить меня на спину, но я перекинул его через себя и, хорошенько повозив бледной мордой по крыльцу, заломил руку и пропыхтел над ухом:

– Сдавайся, и я не дам моим ребятам прикончить тебя сразу, во всяком случае, сегодня...

В ответ этот скользкий гад вывернулся из захвата, попытавшись сбежать, и мне пришлось пару раз боднуть его головой. Лоб гудел, словно гонг в горном монастыре, а в глазах двоилось, но я рано радовался — ушлый противник со стоном поднялся с земли, снова кинувшись в атаку. Уже тогда по его бешеным глазам стало ясно, что парень или не в себе, или принял «ведьмину дурь», за употребление которой в нашем портовом городе грозила смертная казнь.

Бой с переменным успехом продолжился на веранде: сначала мне повезло ранить его в лицо, заставив «поцеловаться» с каменной стеной, а потом он отбросил бравого вояку на хлипкие перила, тут же сломавшиеся под немаленьким весом Капитана шляющейся неизвестно где, чтоб её, Городской Стражи. В спине что-то подозрительно хрустнуло, но, проигнорировав неприятный звук и кувыркнувшись через голову, сумел встать на ноги, продолжив обмен ударами, с, казалось, не знающим устали заговорщиком.

Честно говоря, я так увлёкся, загоняя противника в угол, что и не заметил, как мы оказались на плоской крыше дома. К этому времени у меня открылось второе дыхание, кото-

рое беглец довольно успешно пытался выбить, в основном, ногами. Я в этом ему не уступал, и, от души полягав друг друга, мы снова сцепились. Мерзавец умудрился выхватить кинжал, легко ранив меня в руку, но в горячке боя это факт остался практически незамеченным, и, в конце концов, в дело снова пошли мечи.

Помню, что в какой-то момент ноги перестали ощущать под собой опору, и в следующее мгновение мы, как две большие бескрылые птицы, с воплями полетели навстречу земле... Она довольно неласково приняла обоих в свои объятия — удар выбил из лёгких остатки воздуха, зубы лязгнули, лишь чудом не откусив язык. Если бы не какие-то тюки, на которые нам повезло свалиться, этот день вполне мог оказаться для меня последним.

Я беспомощно открывал рот, тщетно пытаюсь загнать воздух назад в сплюснутые лёгкие, и, наконец, мне это кое-как удалось. Противник подозрительно молчал, и это пугало: и зачем, скажите на милость, нужендохлый заговорщик? Он должен был рассказать о своих подельниках и их коварных планах, а иначе Комендант живым закопает меня вместе с ним в могиле, с него станется...

Осмотр притихшего тела не принёс облегчения — из окровавленного бока бегльца торчал его же меч. В другое время я бы с удовольствием прочитал поверженному врагу нотацию о том, как важно слушаться старших, а не бегать по крышам, насаживая себя на собственное оружие. Но не

в этот раз. Взяв себя в руки, ещё раз проверил молчаливого противника и облегчённо выдохнул — меч вошёл неглубоко под кожу, не задев рёбер, и я его быстро вытащил, зажав рану оторванным рукавом рубашки.

Странный парень открыл безумные, словно обведённые чернилами глаза, его губы дрогнули. Он пытался что-то сказать, и я доверчиво наклонился — зубы лязгнули в опасной близости, и только хорошая реакция спасла моё ухо. Пришлось от души врезать паршивцу по ухмыляющейся физиономии:

– Придурок, нанюхался дряни... Разве не знаешь, что она даёт силы всего на несколько часов, а за это отбирает жизнь. Ты же совсем мальчишка, щенок ещё, родители, наверное, ждут дома...

Он застонал, и в больших глазах впервые появилось осмысленное выражение:

– Никого не осталось, и всё из-за Императора, сволочи вы все... Скоро сдохнете вместе со мной, гореть вам в огне. Он никого не пощадит, не будет больше города...

Мальчишка замолчал, прикрыв глаза, а я озирался по сторонам, наконец, обнаружив искомое — оба новичка бежали ко мне, и по их украшенным синяками лицам стало ясно, что для опоздания у ребят были серьёзные причины. Но для порядка стоило поворчать, что я и сделал:

– Явились, не прошло и года... Мало того, ещё и позволили начистить себе физиономии. Сколько их было?

Рыжеволосый конопатый Бин вытер ладонью разбитый нос, сплюнув кровь сквозь щель в зубах:

– Четверо против двоих, Командир. Мы спешили на помощь, клянусь...

Немногословный, не по годам серьёзный Газ кивнул, подтверждая слова напарника.

Я вздохнул, поднимаясь на локтях, голова ещё кружилась, но это не могло меня остановить. Ребята помогли сесть, выразительно глядя на беглеца, зло посматривавшего на них из-под длинных ресниц:

– Встряхнуть его, Командир?

Я отвёл взгляд:

– Этот фанатик, чтоб его, пока молчит... Вот ведь болван, умудрился напороться на собственный клинок. Действуйте, но осторожно, и не слишком усердствуйте, он нужен живой...

И пока новички от души «трясли» противника, я поджёг дымовую шашку, сделанную придворным алхимиком, подавая знак отряду, что можно забирать беглеца в крепость.

Через пару минут патруль утащил мальчишку, и тот, усмехнувшись разбитыми губами, беззвучно прошептал:

– Горите все... — но я его понял.

Тоска вгрызалась в душу, словно обезумевший пёс в ляжку оборванца — поимка заговорщика ничего нам не давала: он обречён умереть от пыток или принятой отравы. А кто-то скоро, возможно, уже сегодня попытается сжечь город, и это

вдвойне опасно, ведь на ярмарке собралось уйма народа с детьми и стариками... Да ещё приезд Императора привлёк в порт даже тех, кто обычно не высовывал носа из своих деревень и усадеб. Если полыхнёт, погибнет много, очень много людей. Что же делать, столько беготни, и всё напрасно? Ни единой зацепки...

Живот требовательно заурчал, и я вытащил из-за пазухи смятые пирожки, раздав по одному новичкам. Есть было больно, жевать приходилось с осторожностью — зубы после драки шатались, и губы кровоточили при малейшем движении, но голод победил, ведь пришлось полдня побегать на пустой желудок.

Сердце подскочило в горло и зачастило, торопясь, словно пылкий любовник на свидание. Пирожок выпал из похолодевшей ладони, подхваченный ловкой рукой Бина:

– Что не так, Командир? Вы словно призрака увидели...

Я смотрел на встревоженных ребят безумным взглядом:

– Заканчивайте давиться этой отравой, быстро вперед — умрите, но разыщите повозку, в которую мне пришлось лезть по пути сюда, на ней ещё не было украшений — ни лент, ни цветов. А это странно на ярмарке, где каждый старается выделиться... Что вылупились? — я уже орал, срывая голос, — то, что мы ищем — внутри. Этот стервец не просто так забрался туда, шевелитесь, я догоню...

Бин запихнул остатки пирожка в рот, а побледневший Газ, подражая мне, спрятал недоеденный пирог за пазуху:

– Не беспокойтесь, Командир — мы разыщем повозку, площадь перекрыли для представления циркачей, заговорщикам придётся свернуть в переулочек, а тот кончается тупиком. Я вырос в этих местах, никуда им не деться, из-под земли достанем, — он дёрнул напарника за рукав, а через мгновение их и след простыл.

– Из этого мальчишки будет толк, да и конопатый — не дурак. Хорошие ребята... — я зачем-то раскрошил в ладони остатки пирога, отданные мне Бином. На душе было погано, хотя теперь не осталось сомнений, что всё сложится как надо... Из головы не выходил взгляд несчастного мальчишки, готового отдать жизнь ради банальной мести, или, всё-таки, *справедливости*?

Пришлось дать себе мысленную пощёчину:

– Болван, немедленно выкини эти глупости из головы: ты обязан спасти людей, это твой долг перед ними. И что по сравнению с этим жизнь одного запутавшегося ребёнка? Пыль, не стоящая внимания...

Потёр внезапно занывшую спину и, кряхтя, не торопясь, пошёл за новичками. Как и ожидалось, повозка уже ждала в переулочке, правда, она оказалась пуста — толстяк сбежал, бросив свои пожитки, среди которых обнаружилась карта с отмеченными местами запланированных поджогов. Все радовались этой несомненной удаче, и я, передав гонцу улики, собрался, наконец, вернуться в дом, в котором не был больше месяца, и где ждала своего Капитана красавица Айша...

Меня остановили раздавшиеся рядом топот ног и шумное дыхание, когда я ворчал на своих молодых подчинённых, собиравшихся присоединиться к гудящей толпе на представлении циркачей, вместо того, чтобы вернуться в казармы. Запыхавшийся посыльный преклонил передо мной колено, протягивая приказ Коменданта крепости. С тяжёлым сердцем развернул его, и, пробежав глазами, кивнул нарочному:

– Принято... — после чего тот быстро затерялся в людской толчее.

Ухмыляясь, повернулся к забеспокоившимся новичкам:

– Что, детки, цирка захотелось? Того, что было утром, вам показалось мало, да? Ну так получите новое задание — накаркали, мерзавцы. Что смотрите? Быстро закрыли рты, ноги в руки и бегом на пристань — там прикончили иностранного Посла, и это в день, когда сам Император прибыл в наш прекрасный, чтоб его, город... Так что забудьте об ароматном вине, девчонках и наваристых похлёбках. Пока не найдём убийцу, не будет нам покоя...

Вмиг погрузневшие ребята послушно развернулись в сторону пристани, а я, прихрамывая и потирая больную руку, побрёл за ними, обречённо думая, что всё-таки лучше быть молодым. Ну его к демонам, этот проклятый опыт, не спасающий от хруста в спине и ломоты в суставах при первом же осеннем дожде. А ещё от начальника-идиота, не понимающего, как я истосковался по своей девушке и её изумительной мясной похлёбке...